

УДК 81-26

DOI: 10.47928/1726-9946-2020-20-3-55-59

Ощущения, двигающие к бытию и препятствующие бытию, у адыгских прозаиков сегодня

Хуако Ф.Н. – академик АМАН

Как традиционно известно, на сегодняшний день в литературоведческом сообществе, мера и уровень проявляющейся условности знака определяются неким фактором абстрактности, причем пространство вспомогательной условности видоизменяется с помощью знаков, которые обладают максимальным абстрактным квантом. Так, к примеру, в случае со столь частыми сегодня художественными линиями, основанными на схеме «город – деревня». Несмотря на то, что большинство авторов, происходящих родом из таких чудных краев, нередко подчеркивают их минусы (технического и прикладного уровня), однако они постоянно в своих текстах выдают и воздушную, прозрачную печаль о землях, обладающих тем, чего лишен сегодняшний мегаполис. Причем нередко в научных трудах сегодня в ходе аналитического рассмотрения текста применительно к модели воссоздания требуемой условности квант абстрактности выступает в созвучии с категорией «эстетический коэффициент» (по мнению советского теоретика М. Бахтина намечающий уровень выразительности определенного компонента художественного текста). Тем самым налицо выявление имеющихся сегодня в текстах адыгских прозаиков двигающих к бытию и препятствующих бытию ощущений, выступающих в роли указанных факторов абстрактности и создающих своим присутствием определенный уровень условности.

Относительно первого пункта из названных в заглавии, то есть двигающих к бытию ощущений. Стремящийся войти в контакт с собеседником рассказчик у А. Макоева в повести «В ожидании смысла» признается в том, что может довериться и воспринять адекватно реципиента лишь в случае особой ценности или информационной привлекательности сообщаемого. Подобный смысловой аспект преподносится автором в данном случае как первичная художественная ценность, которая в текстовой обстановке представляется с помощью определенных семантических наполнений соответствующих знаковых конструкций (эмоциональной, оценочной, содержательной) и, кроме того, периферийных словесных смыслов. В других ситуациях рассказчик полностью уходит от нити беседы, делая усилие для сбережения видимости присутствия: «Если б я выслушивал все то, что мне говорят в течение дня, я сошел бы с ума от малой значимости и глупости этих разговоров» [3, с. 112]. На основании этого признания ведущий изложение делает вывод о том, что необходимо обмениваться с собеседником о наиболее важном, наиболее значимом в своей судьбе, а иное необходимо замалчивать. Немало подобных сцен и у А. Хагурова. К примеру, таковой можно считать эпизод, послуживший зачином повести автора «Моя русская мать Валентина Гавриловна Пестрецова». На глазах подростка-рассказчика отец оправдывается перед его матерью в поддержании контакта с другой женщиной. Доказывая тем самым отнюдь не «бесправность» адыгской женщины, автор ярко описывает шокирующий мальчика яростный монолог матери, адресованный к обычно уверенному, а здесь растерянному отцу. Таким образом у писателя в качестве итога осмысления происходящего и возможного к происхождению выстраивается в тексте некоторая первичная

условность.

Предпосылкой, порождающей словотворчество, обязательной и неизбежной, говорящий и у А. Макоева называет бытовой конфликт. Патология возможных, выстраиваемых логикой, причинно-следственных отношений и появление противопоставления порождают проблему в бытийном отношении либо конфликт в отношении текстовом. Как признается рассказчик, ему удастся заняться словотворчеством лишь в таком настроении, когда другие люди с большой долей вероятности прерывают собственное существование. Описывая подобное состояние собственного организма, он признается, что это ощущения «на изломе своего существования, когда погашены все огни – нужно либо начинать все сначала, либо уйти из прежнего круга жизни и более туда не возвращаться» [3, с. 112]. Констатируя тяжесть подобного вхождения в такой излом, автор и здесь рисует первичную условность. Он предполагает: несмотря на то, что сегодня удастся войти и выйти из такого настроя, все равно может случиться патологическая задержка. Она не позволит ему оставить территорию, и он откажется от дальнейших жизненных течений: «Пока еще удастся из него выйти благополучно. А вдруг задержусь в нем дольше обычного и не сумею выбраться» [3, с. 112].

Ведущего изложение героя к дальнейшим плодотворным творческим раздумьям порой подвигает несколько иной стимул. Здесь имеет мощное воздействие на персонажные размышления и отечественная среда, частное пространство героя, признающегося в любви к родным местам. Переправа, выступившая реальным прототипом у А. Хагурова, которому посвящена одноименная книга, и есть место, которому поклоняется рассказчик. А размышления, к коим подвигает она его, предопределены тем, что он убежден: это «пространство, полное мудрости и чувств» [4, с. 83]. Такая констатация и позволяет ему в дальнейших мыслях, излагаемых в монологических формах, раздумывать и анализировать собственные воспоминания, задавать себе вопросы о текущей жизни и предлагать возможные версии ответов, здесь же оценивая их и выдвигая новые модели развития событий. Следовательно, переправа у А. Хагурова есть среда, располагающая к активизации мысли. Либо непосредственный участник рыболовецких событий, как один из участков на реке, омывающей его родные края [5, с. 75] Аналогично на той же родной почве отдается раздумьям и герой И. Чатао («Джем и Элен»), стоящий на берегу родного моря и обязательно видящий боковым зрением на С. 21 родной дом. К подобным, присутствующим среде, признакам можно отнести их целый ряд: от прозрачного, возбуждающего и питающего воздуха до мягко льющихся водных ключей, будто умышленно заманивающих прикоснуться к ним, а также, конечно, открытых лесных площадок, дающих шанс без опаски пройти без обуви. Таким образом оказывается очевидным то, что соответствие художественного произведения общепринятым традициям, основанным на законах физических реалий, определяет различную насыщенность их разноуровневой условностью. Тем самым завершаем линию, касающуюся двигающих к бытию ощущений и переходим к ощущениям, препятствующим бытию.

К таковым, в первую очередь, можно отнести недомогание, постоянно сопровождающее человека любой социальной группы и потому неизменно отражающееся в художественных текстах. Обладавшие существенным запасом сведений народной медицины адыги зачастую знали или успешно догадывались о возможных течениях болезней и их

последствиях. Одновременно была весьма мощной вера в то, что посредством конкретных обрядовых действий допустимо добиться милости от определенного природного явления, выздороветь либо достичь тех или иных жизненных высот. Так, к примеру, в литературе часто описываются ритуалы взаимодействия человека с деревом, прохождение под корнями которого якобы могло возродить личную «космическую сферу» индивида. С целью налаживания восстановления сил больного, древние адыги могли из древесины грецкого ореха сделать условный кукольный макет. С ним была связана определенная ритуальная процедура, производившаяся кем-либо из родных больного. Однажды утром он, уверенно и не смотря по сторонам, обязан был доставить макет к речной воде. Швыряя ее в речные просторы, он обязан был во весь голос трижды провозгласить о потере своей куклы. Деревянный макет, тем самым, служил неким олицетворением больного лица, а река была в этом случае воплощением здорового пространства, очищающего и восстанавливающего человека. Так и у А. Хагурова рассказчик практически боготворит окружающие адыгские поселения леса. Но описывая их красоты он не забывает передать ощущения своего героя-подростка, с удовольствием хозяйничающего в них: «Никогда не забуду, с каким трудом удавалось залезть по высоченному, голому, толстому стволу груши до ее кроны на самой верхотуре. Такие груши я видел только в Курго» [4, с. 15]. Но помимо восторга говорящий посвящает читателя и в подробности технологии покорения такого чудного дерева: «Проблема состояла еще в том, чтобы доставить туда длинную палку, которой сбивалась дичка. Потом надо было слезть, собрать ее и мешок нести на расстояние один – два километра» [4, с. 16].

Помимо недомогания другим, выделяемым нами фактором, неизменно и опасно сопровождающим человека на протяжении веков и действующим сегодня является алкоголь. Как рассказывал об этой частой сегодня склонности один из кубанских писателей В. Канашкин, в частности, выборы начальников казачьего округа протекали в весьма приподнятых условиях. «Придя в курень, они молились на иконы, поздравляли один другого с праздником, потом снимали с себя на время дорогое верхнее платье и садились за общий стол. Отобедав чем Бог послал и достаточно выпив ради большого праздника, козаки вставали из-за стола, молились Богу, благодарили своего атамана, куренного кухаря, кланялись один другому, снова одевались в дорогое платье и потом выходили со всех куреней на площадь. В этот момент на сечевой площади раздавался оглушительный выстрел из самой большой пушки: таков был козацкий обычай» [2, с. 42]. Собираются нередко персонажи наших авторов и за адыгскими хлебосольными столами. К примеру, у А. Куека в его повести «Соперник» тема застолья и соответствующего поведения выступает даже предметом спора между собравшимися на встречу давними приятелями. Как это обычно бывает, большинство присутствующих не отказываются выпить, а когда среди них окажется кто-то непьющий, он становится объектом всеобщего осуждения. Мол, отказываясь выпить, ты демонстрируешь свое неуважение к почившим. Попытался в этом случае спорить главный герой с приятелями, но в результате повиновался, чувствуя себя потому ущемленным.

Есть такая нота и у А. Макоева в его «Истории Зула». Конечно, герой, находившийся в кафе момент нанесенного ему шампуром ранения, был увлечен застольем с приятелями и потому производит впечатление персонажа ветреного и немного взбалмошного.

И в таком очерчивании портрета автор и далее продолжит свою линию. Однако, как неоднократно мы видим в зарубежной литературе XX века, подобный прототип молодого героя, – порой пьющий, не всегда благонравный, но знающий, к чему стремиться, – весьма распространен в прозе Р. Киплинга, Р. Олдингтона, М. Пруста и др. Тем самым Зул А. Макоева («Зул человек пьющий и нетрудно догадаться, что и весь образ его жизни имеет характер беспорядочный и запущенный, хотя он молод, ему нет и сорока» [3, с. 3]) очень напоминает тех англоязычных предшественников. Он оказывается весьма интересен для наблюдающего за ним читателя, вызывая не только сочувствие за свои нездоровые склонности, но выходя и на новый уровень отношений с окружающими. Такова, к примеру, почитающая его санитарка Мадина, молодая девушка, вдруг увидевшая в юноше воплощение своих женских грез о надежном защитнике. Либо реально влюбленный в него медицинский персонал, с которым ему довелось пообщаться. И еще немало таких коммуникационных поворотов по тексту повести А. Макоева. То есть алкоголь в наше время уже отнюдь не является строгим и незыблемым воплощением отрицательной отнесенности персонажа. Консервативная тенденция (как западная классическая, так и адыгская в продолжение) поменяла направление.

Есть рядом с указанной нитью еще одна частая сюжетная линия, без которой не может обходиться тема недомогания. Это такая явная у А. Макоева в его «Истории Зула» позиция врача. Здесь непосредственно врач порой ведет повествование, другой напрямую контактирует с описываемым Зулом, излагая по ходу действия детали его здоровья. Врач всегда был почитаем у адыгов, как в любом цивилизованном обществе, что не могло не вызывать уважение у оказывавшихся на черкесской земле иностранцев. Так, к примеру, в одной из своих работ, производя анализ текста «Черкесская свадьба: воспоминания армянского миссионера» (из журнала «Etudes». Paris, 20 Novembre. 1907. pp. 571 – 589) и приводя его объемный документальный фрагмент Б.Х. Бгажноков дает нам неопровержимые доказательства такого отношения. Как свидетельствует рассказчик, сопровождавший черкесского врача в его лечебных рейсах по горам Кавказа, получавшие врачебную помощь жители вполне адекватно оценивали своих спасителей. Вот, в частности, реакция одной из черкесских матерей на успешное врачевание ее сына: «Стоя близ кровати своего сына, она адресовала нам на черкесском языке несколько слов, что больной переводил нам своим ослабевшим голосом. «Несмотря на снег и препятствия в пути вы явились лечить моего сына, – сказала она нам, с глазами полными слез. – Это во имя Бога сделали вы, я знаю. Что касается меня, я благодарю вас за это, и отныне я буду считать вас обоим моими детьми. Да сопроводит вас Бог!» [1, с. 112]. Тем самым группа миссионеров вошла в члены этой княжеской семьи. Либо доктор и его непреклонная в хорошем смысле позиция в сюжетной линии И. Чатао («Джем и Элен»). Несомненно, такая твердость создает определенные сложности главному герою, заставляет его чаще задумываться и тормозить себя в действиях, но зато внушает уважение его подробное и обстоятельное профессиональное письмо герою с рекомендациями по ходу лечения. «На тебе задачка» [5, с. 118], – растерянно отреагировал Джем, однако пытался в дальнейшем сверять свои ходы с этой, пусть сначала непонятной, но грамотной и потому нужной ему в случае с болезнью девочки «писанины».

Таким образом, как было выявлено нами в ходе исследования, сопровождающие адыг-

ского автора сегодня в ходе творчества вспомогательные ощущения (как способствующие, так и препятствующие ему), с особой отчетливостью выступают именно в функциональной роли абстрактных элементов, способных выстраивать условные коды и конструировать таким путем структурные вариативные модели художественных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бгажноков Б.* Черкесская свадьба воспоминания армянского миссионера (из журнала «Etudes». Paris, 20 Novembre, 1907, pp. 571–589) // Вестник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. 2013. № 1 (20). С. 110–120.
2. *Канашкин В.* // Кубань: Литературно-художественный и аналитико-публицистический независимый журнал писателей России. Краснодар, 2013. № 1-2.
3. *Макоев А.* В ожидании смысла. Нальчик: Тетраграф, 2012. 174 с.
4. *Хагуров А. А.* Жизнь коротка как журавлиный крик. Издание 3-е. Краснодар: КубГАУ, 2012. 532 с.
5. *Чатао И.* Джем и Элен. Майкоп: Полиграф-Юг, 2013. 208 с.

ABSTRACT

In the article, the object of analysis is the feelings that encourage the existence and prevent the existence of characters in works of art. In this case, F. N. Khuako chooses modern Adyghe prose as the subject material, including the stories of A. Hagurov, A. Makoev, A. Kuek and I. Chatao who are working today. The author is inclined to the hypothesis that the prose writer in the process of meaningful reproduction of reality builds up in the text some primary Convention that contains the sign codes of the two groups of sensations proposed in the title. This hypothesis is proved by analyzing a number of works of these authors, which allows us to conclude that the proposed structural models are currently available in their texts.

Keywords: work, abstraction, sign code, feeling, being, Adyghe prose.

Maikop state technological university, Maikop; Fatimah2@mail.ru

© F.N. Khuako, 2020

АННОТАЦИЯ

В статье объектом анализа являются ощущения, подвигающие к бытию и препятствующие бытию персонажей художественных произведений. Предметным материалом в этом случае Ф.Н. Хуако избирает современную адыгскую прозу, включающую повести работающих сегодня А. Хагурова, А. Макоева, А. Куека, И. Чатао. Автор склоняется к гипотезе о том, что у прозаика в процессе осмысленного воспроизведения реальности выстраивается в тексте некоторая первичная условность, содержащая знаковые коды двух, предложенных в заглавии, групп ощущений. Доказывается данная гипотеза анализом ряда произведений указанных авторов, что позволяет прийти к выводу о наличии на сегодняшний день в их текстах предложенных структурных моделей.

Ключевые слова: произведение, абстрагированность, знаковый код, ощущение, бытие, адыгская проза.

Майкопский государственный технологический университет, Майкоп; Fatimah2@mail.ru

© Ф.Н. Хуако, 2020